

Мари Жюль

Люди и страсти

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж97

Ж97 **Жюль М.**
Люди и страсти / Мари Жюль – М.: Книга по Требованию, 2022. – 222 с.

ISBN 978-5-519-95392-4

ISBN 978-5-519-95392-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Старайся, старайся! — пошутил подрядчикъ, — домъ постоятъ за себя! Недаромъ я самъ его строилъ.

— Было бы сумасшествіемъ ѣхать! — настаивала жена. — Не правда ли, матушка? — прибавила она, обращаясь къ старушкѣ свекрови, занимавшейся съ дѣтьми.

— Разумѣется! — отозвалась та, — но успокойся, Христіана, онъ не поѣдетъ.

— Пари держу, что поѣду! — поддразнивалъ Ришардье. — Теперь десять минутъ шестого, черезъ четверть часа получу депешу... Бризолье не трусливаго десятка, вѣтерокъ съ дождечкомъ не испугаетъ его. Давайте пари держать, — мама, Христіана, идетъ? На десять франковъ, чтобы не разорять васъ... Хотите?

Но женщины не отвѣчали.

Христіана вздохнула и опустила голову — необъяснимое уныніе стѣснило ея сердце.

У входной калитки дрогнулъ звонокъ.

— Вотъ и пари мое выиграно! — радостно воскликнулъ Ришардье. — Это телеграмма!

Онъ подбѣжалъ къ окну и пристально всматривался въ калитку.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ слуга съ депешей въ рукѣ.

— Такъ и есть! Слушайте!.. „Несмотря на погоду, приѣзжай. Въ семь часовъ карета ждетъ тебя на станціи“. Андрэ, велите запрягать и приготовьте скорѣе мой чемоданъ.

Слуга вышелъ. Ришардье весело потиралъ руки, второя:

— Что я говорилъ? Что я говорилъ?..

Но вдругъ, замѣтивъ печальное лицо жены, онъ спросилъ:

— Христіана, ты чѣмъ то недовольна, дружокъ мой?

— Нѣтъ... такъ...

— Посмотри на меня... Подыми глазки.

Молодая женщина съ усиліемъ подняла глаза, — они были затуманены слезами.

Ришардье встревожился.

— Что съ тобой, мой ангелъ?

— Увѣряю тебя...

— Христіана!—съ упрекомъ сказалъ мужъ.

— Ты скажешь, что я съ ума сошла... ребячусь...

— Говори, говори! Ты плачешь... Знаешь, какъ на меня дѣйствуютъ твои слезы!..

Онъ взялъ жену за руки, нѣжно и любовно пожималъ ихъ. Десять лѣтъ прошло со дня ихъ свадьбы, а Жозефъ все еще былъ влюбленъ въ жену.

Бабушка подошла къ нимъ, дѣти также подбѣжали къ матери.

Христіана тихо, съ видимымъ смущеніемъ произнесла:

— Мнѣ не хочется, чтобы ты ѣхалъ сегодня... Съ утра меня мучаетъ дурное предчувствіе...

— О! И отъ этого ты плачешь?

— Да! Предчувствую бѣду... Не уѣзжай... Останься дома... Мнѣ кажется, что-то угрожаетъ намъ...

— Полно, Христіана! Можно ли вѣрить предчувствіямъ? Такъ, первы... Что можетъ случиться?

— Не знаю... Если бы знала, то не боялась бы!

Мужъ поцѣловалъ ея руку, но не смѣялся болѣе. Христіана никогда не капризничала и нервами не страдала. Не въ ея характерѣ было изъ-за пустой прихоти выказывать свое могущество надъ влюбленнымъ мужемъ. Онъ замолчалъ, стараясь припомнить происшествія послѣднихъ дней и объяснить тревогу жены. Но ровно ничего непріятнаго не случилось! Дѣла шли превосходно, всѣ были здоровы, всю недѣлю онъ неутомимо работалъ и могъ вполне покойно доставить себѣ удовольствіе поохотиться съ пріятелемъ! Откуда явилось мрачное предчувствіе Христіаны?

— Напрасно ломаю себѣ голову... — сказалъ онъ, наконецъ.—Не могу понять, что тебя тревожитъ!..

— Не поймешь, другъ мой! Я и сама не понимаю. Останься... и не сердись на меня!

— Однако, разсуди, милочка моя...

— Умоляю тебя, останься... Пожертвуй мнѣ удовольствіемъ...

— Ты скрываешь что-нибудь отъ меня?

— Ахъ, клянусь тебѣ нашей любовью, нашими дѣтьми, что у меня не было и нѣтъ секретовъ отъ тебя!

— И ты основываешься только на суетвѣрномъ предчувствіи?

— Да! Увѣряю тебя... На душѣ у меня такъ нехорошо...

Ришардье опять началъ ходить по комнатѣ, невольно сожалея объ отложенной охотѣ, но не рѣшаясь огорчить жену.

— А ты, мама, что думаешь объ этомъ? — обратился онъ къ старушкѣ.

— Я того мнѣнія, что недурно бы остаться дома, вслѣдствіе погоды... Что касается до предчувствій Христіаны, то, надо полагать, они навѣяны этимъ страшнымъ завываніемъ вѣтра въ саду. Расположеніе духа портится отъ погоды, и мысли принимаютъ мрачный оттѣнокъ.

Ришардье робко подошелъ къ женѣ.

— Не поѣхать-ли?

— Ахъ, какъ ты огорчишь меня...

— Сохрани Боже! Сознательно я еще ни разу не огорчалъ тебя!

— Ты остаешься? — съ восхищеніемъ воскликнула она.

— Остаюсь.

Христіана обвила его шею руками въ такомъ порывѣ благодарности, что растроганный Ришардье забылъ о принесенной жертвѣ и крѣпко прижалъ ее къ груди.

А вѣтеръ, между тѣмъ, какъ будто стихалъ; наступали промежутки затишья.

Ришардье посмотрѣлъ въ окно.

— Видны звѣзды... Завтра погода будетъ хорошая.

И опять ему стало жаль пропущеннаго развлечения. Христіана этого не замѣтила, но бабушка все видѣла и понимала.

— Дитя мое, — сказала она невѣсткѣ, — взгляни на него: онъ жалокъ! — и на ухо молодой женщинѣ она прибавила: — ты лишаешь его громаднаго удовольствія! Отдыха послѣ недѣльных трудовъ! Вѣтеръ утихъ... дурныя предчувствія исчезнутъ какъ дымъ... Позволь ему ѣхать... Онъ въ душѣ оцѣнитъ твое самоотверженіе...—Христіана уголкомъ глазъ взглянула на мужа, шагавшаго по гостиной, заложивъ руки за спину... Да, свекровь права... Жозефъ далеко не убѣжденъ въ необходимости лишить себя удовольствія и вздыхаетъ съ сожалѣніемъ...

— Вѣтеръ совсѣмъ прошелъ! — объявилъ онъ, открывая окно и высовываясь изъ него, — небо чисто!

Струя холодного воздуха ворвалась въ гостиную, лампы вспыхивали и мигали.

Христіана тихонько шепнула свекрови:

— Я боюсь отпустить его.

— Чего боишься?

— Сама не знаю! Смертельно боюсь!

Старушка неодобрительно пожала плечами. Ея сердце было спокойно.

— Я люблю Жозефа... Онъ мнѣ сынъ... И никакихъ страховъ не ощущаю! — наставительно сказала она.

Ришардье заперъ окно и вздохнулъ.

— Карета готова! — доложилъ Андрэ и прибавилъ, на правахъ стараго слуги, свое соображеніе, — погода-то совсѣмъ разгуливается, сударь!

Но баринъ уже собирался велѣть распрягать экипажъ, какъ вдругъ Христіана громко сказала:

— Поѣзжай, другъ мой... Я съ ума сошла... забудь мои глупыя предчувствія!

— Но, милая, я не желалъ бы огорчать тебя.

— Забудь, забудь... Я просто ребячилась.

— Отпускаешь? — спросилъ онъ, и глаза его весело блеснули.

— Да...

— Чистосердечно? Безъ тревоги?

— Клянусь тебѣ...

Ришардье взглянулъ на часы.

— Поѣздъ отходить ровно въ шесть... Какъ разъ поспѣю... До свиданія!

Онъ поцѣловалъ дѣтей, старуху-мать и обнялъ жену. Христіана припала къ груди мужа и, обвивъ руками его шею, не могла оторваться, точно имъ грозила вѣчная разлука.

Онъ нѣжно расцѣловалъ ее и, вѣроятно, въ глубинѣ души самъ ощутилъ смутную тревогу, потому что спросилъ еще разъ:

— Хочешь, останусь?

— Нѣтъ! Я глупа... Поѣзжай.

— Ну, до свиданія! Въ понедѣльникъ вернусь съ пятичасовымъ поѣздомъ.

Христіана безсильно опустилась на кресло и прислушивалась къ хлопанью дверей, къ стуку колесъ по мокрому песку аллеи... Вотъ и рѣшетчатые ворота отворились, карета загромыкала по мостовой.

Все кончено! У Христіаны получилось впечатлѣніе, точно будто мужа у нея отняли навсегда.

Ришардье, со своей стороны, сидя въ каретѣ, размышлялъ о настойчивости жены. Онъ зналъ, что она характера мягкаго и даже робкаго, но такихъ необъяснимыхъ страховъ за ней не замѣчалъ.

„Я оставилъ ее печальной! — подумалъ онъ. — Слѣдовало бы пожертвовать охотой“.

Но экипажъ уже остановился у вокзала: часы показывали шесть безъ трехъ минутъ. Только и успѣлъ онъ взять билетъ и вскочить въ вагонъ, когда поѣздъ уже трогался. На душѣ у него было неспокойно. Мысли съ упрекомъ возвращали его въ гостиную Перейрскаго отеля, гдѣ теперь, навѣрно, грустно сидитъ Христіана. Ему стало досадно на самого себя.

— Не достаетъ и мнѣ вѣрить въ какія-то предчувствія! — проворчалъ онъ и постарался думать о другомъ.

А тамъ, дома, вечеръ окончился невесело. Свекровь тщетно употребляла всѣ усилія, чтобы развлечь невѣстку — морщинки на лбу молодой женщины не разглаживались, обычное спокойствіе не возвращалось.

За обѣдомъ она ничего не ѣла.

Старушка принялась ласково журить ее.

— Не могу побороть себя, матушка! — со вздохомъ отвѣчала Христіана. — Сама не знаю, что со мной! Завтра, вѣрно, все пройдетъ.

Старушка ложилась рано; дѣтей также уложили, и Христіана осталась одна.

Въ девять часовъ позвонилъ комиссіонеръ, и горничная принесла молодой барынѣ письмо.

— Посыльный принесъ, — пояснила она.

— Ждетъ отвѣта?

— Нѣтъ, ушелъ.

Христіана разорвала конвертъ и съ первыхъ же строкъ прочитаннаго письма побѣднѣла какъ смерть.

На станціи Сенлисѣ Ришардье ожидалъ экипажъ и, когда вечеромъ онъ очутился среди добрыхъ пріятелей, вкусно пообѣдалъ и, закуривъ сигару, усѣлся поиграть въ карты, — мрачныя предчувствія жены изгладились изъ его памяти.

На слѣдующее утро онъ написалъ Христіанѣ нѣжное письмо, ласково подтрунивая надъ ея суетѣнными страхами, и, совершенно успокоенный, принялъ участіе въ охотѣ. Лѣсные сторожа намѣтили оленя, и съ десяти часовъ утра началась погоня за звѣремъ. День стоялъ хорошій и ясный, и только къ четыремъ часамъ небо снова покрылось тучами, предвѣщавшими снѣгъ. Къ этому времени затравленъ былъ олень въ Гомонтскомъ лѣсу. На другой день предполагалась охота съ ружьемъ на кабана, и гости остались ночевать въ замкѣ Бризолѣ, несмотря на испортившуюся погоду.

Замокъ носилъ названіе „Тюильри“ и находился на полдорогѣ между Сенлисомъ и Шантильи. Бризолѣ, богатый и радушный хозяинъ, страстно любилъ охоту, и собравшіеся пріятели не скучали у него.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Ришардье выглянулъ въ окно: все кругомъ было бѣло отъ выпавшаго снѣга, но небо очистилось, и показались звѣзды. Морозило.

Въ воскресенье съ самаго утра началась облава у Флеринскаго рва. Собаки заголосили, въ цѣпи слышались выстрѣлы; одинъ кабанъ поплатился жизнью, затѣмъ, охота двинулась дальше и мало-по-малу разбилась. Къ двумъ часамъ пополудни Ришардье очутился одинъ, на опушкѣ лѣса, — ни товарищей, ни собакъ не было слышно.

Передъ нимъ разстилалась большая дорога въ Компьень, виднѣлась деревня, фермы и поля, позади — Галатскій лѣсъ.

Не зная, куда направилась охота, Ришардье пошелъ по свѣжимъ слѣдамъ кабана и собакъ, и ему показалось, что въ лѣсу раздался выстрѣлъ.

Онъ шелъ все дальше и дальше, закинувъ ружье за спину, засунувъ руки въ карманы, и, наконецъ, остановился

въ недоумѣніи. Обѣ охотѣ ни слуху, ни духу, а на снѣгу, по дорогѣ, какъ будто слѣды крови.

Онѣ нагнулся.

— Странно! — пробормоталъ онѣ и пошелъ дальше, по-
думавъ, что тутѣ бѣжалъ раненый кабанъ или одна изъ со-
бакъ, познакомившаяся съ острыми клыками звѣря.

II.

Выпавшій съ вечера снѣгъ предательски рассказываетъ наблюдателю о происшествіяхъ ночи. Пристально всмотрѣв-
шись въ слѣды, привлекшіе его вниманіе, Ришардѣ убѣ-
дился, что по дорогѣ не бѣжали ни кабанъ, ни собаки, а
отпечатались только подошвы изящнаго мужского сапога,
сопровождаемыя непрерывнымъ кровавымъ слѣдомъ. Изум-
леніе и любопытство охотника возрастало: очевидно, чело-
вѣкъ прошелъ тутѣ ночью или утромъ!

Вдругъ Ришардѣ громко разсмѣялся.

„Какой-нибудь молодой парень,—судя по размѣру ногъ,—
шелъ тутѣ по своимъ дѣламъ и страдалъ кровотеченіемъ изъ
носу! А я вообразилъ драму!“ — подумалъ онѣ, однако, про-
должалъ идти по слѣдамъ, перешелъ поле и очутился передъ
одинокимъ, заброшеннымъ строеніемъ, извѣстнымъ въ округѣ
подъ названіемъ „Новаго дома“. Слѣды, казалось, выходили
оттуда.

Ришардѣ пожалъ плечами.

— Что мнѣ, въ сущности, за дѣло?—пробормоталъ онѣ, но
тутѣ же, вопреки логичному разсужденію, остановился не-
подалеку отъ дома, на лужайкѣ у деревяннаго креста. Тутѣ,
на снѣгу, была лужа крови и отпечатокъ человѣческаго
тѣла... Кто-то, видно, лежалъ на этомъ мѣстѣ и горстьямъ
бралъ снѣгъ... чтобы утолить жажду или приложить къ
ранѣ?... Затѣмъ человѣкъ, вѣрно, всталъ и прислонился къ
кресту—на каменномъ подножіи видѣлись опять слѣды крови
и пальцевъ.

— Чортъ возьми!—сердился Ришардѣ,—дѣло-то выходитъ
посерьезнѣе кровотеченія изъ носа! Преступленіе или не-
счастный случай!

Ему ужасно хотѣлось уйти и не продолжать дальнѣйшихъ разслѣдованій, но какая-то непреодолимая сила влекла его къ дому.

Строеніе было, дѣйствительно, новое, окруженное садомъ, также молодымъ; передъ входомъ незванный посѣтитель остановился: несмотря на открытую калитку, жилище казалось необитаемымъ. Окна закрыты ставнями, трубы не дыматся.

Ришардье, однако, позвонилъ у калитки.

Отвѣта нѣтъ.

Онъ пошелъ далѣе, по аллеѣ, и кровавый слѣдъ привелъ его прямо къ крыльцу. Ришардье, не размышляя больше, толкнулъ дверь — она отворилась.

Обширные сѣни, на потолокъ люстра, по стѣнамъ — всевозможное оружіе, въ видѣ украшенія. Вверхъ тянется парадная лѣстница, вся изъ рѣзного дуба. Холодъ такой же, какъ и на дворѣ. А кровавый слѣдъ не прекращается — и сѣни, и лѣстница выпачканы.

Нельзя сомнѣваться въ преступленіи! Ришардье невольно содрогнулся: какой чортъ толкалъ его сюда?

Ну, убѣдился онъ, что преступленіе, — ему-то что?

Потребуютъ еще его въ свидѣтели, очень пріятно!

„Теперь ужъ поздно отступать! — рѣшилъ онъ вдругъ. — Надо разузнать все до конца!“ — и, повѣсивъ ружье на вѣшалку въ сѣняхъ, онъ оглянулся кругомъ. Внизу три двери — Ришардье заглянулъ въ комнаты — никого. Пыль лежитъ слоями, на столахъ, на диванахъ. Тогда онъ, съ замирающимъ сердцемъ, сталъ подниматься по лѣстницѣ. Наверху — широкій коридоръ и нѣсколько дверей; полъ коридора устланъ ковромъ, — слѣдовъ крови нельзя разобрать по темнымъ цвѣтамъ узора.

Онъ, наудачу, робко постучалъ въ одну изъ дверей.

Вдругъ раздался страшный стукъ снизу и что-то грохнуло, какъ ударъ грома.

Ришардье, хотя и не былъ трусомъ, вздрогнулъ отъ ужаса и окаменѣлъ... Но все стихло, ни звука... Это, вѣрно, внизу хлопнула наружная дверь, которую онъ забылъ затворить.

Сумерки быстро надвигались, въ коридорѣ становилось темно. Оправившись отъ испуга, Ришардье нагнулся къ

ковру и кое-гдѣ различилъ кровавые слѣды. По нимъ онъ дошелъ до другой двери, завѣшанной бархатной портьерой, и опять постучался.

Не получая отвѣта, онъ хотѣлъ уже отворить дверь, какъ изъ верхняго этажа до него донеслись неопредѣленные, тихіе звуки.

„Господи! Здѣсь живетъ кто-то!“—подумалъ онъ и дрожащимъ голосомъ громко спросилъ:

— Кто здѣсь есть?

Глухое эхо отвѣтило ему изъ всѣхъ угловъ дома.

Звуки наверху утихли. Сумерки все болѣе и болѣе сгустились. Жутко стало любопытному охотнику, сердце его стучало въ груди, расширенные глаза и напряженный слухъ силълись уловить что-нибудь живое, человѣческое...

Черезъ минуту шумъ наверху возобновился — не то шелестъ юбокъ, не то взмахи крыльевъ...

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое!—выругался Ришардье и кинулся вверхъ по лѣстницѣ, во второй этажъ.

Расположеніе то же самое: коридоръ и двери. Въ одной изъ комнатъ выбиты стекла окна, и врывающійся вѣтеръ крутитъ и дергаетъ занавѣску, то втягивая ее наружу, то вновь вталкивая въ комнату и развѣвая, какъ огромный флагъ. Вотъ и разгадка напугавшаго его шелеста. При неясномъ свѣтѣ вечерней зари тѣнь отъ колеблющейся занавѣси фантастически пляшетъ по стѣнамъ, по полу и по потолку...

Ришардье спускается внизъ и снова стучитъ въ дверь съ бархатными портьерами.

Отчего ему такъ страшно, такъ нестерпимо жутко? Въ эту минуту онъ вспомнилъ суевѣрные страхи робкой жены и понялъ ея безотчетную тревогу. Она со слезами на глазахъ просила его остаться!.. Нѣчто подобное испытываетъ и онъ теперь и въ другой разъ не посмѣется надъ предчувствіями нервныхъ женщинъ.

Такъ какъ отвѣта нѣтъ, онъ толкаетъ дверь и безпрепятственно входитъ.

Полная темнота: занавѣси спущены, ставни заперты. Но въ комнатѣ тепло, должно быть, недавно топили каминъ.

Дрожащей рукой зажигаетъ Ришардье спичку и обводитъ

ее вокругъ себя. Что это, спальня, кабинетъ или гостиная? А если обитатель проснется, появится, — чѣмъ объяснить охотникъ свое присутствіе?

„Недостаетъ, чтобы меня приняли за злодѣя и всадили въ меня пулю изъ револьвера!“ — думаетъ онъ, холодѣя отъ страха.— „Подѣломъ будетъ: не суйся въ чужія дѣла!“

Комната оказывается элегантною спальнею. Постель не смята; въ каминѣ тлѣютъ догорѣвшіе уголья.

Очевидно, тутъ былъ кто-нибудь очень недавно.

Спичка догорѣла, Ришардъ зажигаетъ другую и замѣчаетъ свѣчку на столѣ. Слава Богу! Все легче, чѣмъ въ темнотѣ... Двери въ сосѣднюю комнату открыты настежь, но онъ долго не рѣшается проникнуть туда... Ему чужется, что тамъ разгадка страшной тайны, такъ какъ на коврѣ видны опять слѣды крови, вотъ, вотъ, на порогѣ, явственныя пятна.

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ передвигаетъ, наконецъ, ноги и останавливается въ дверяхъ. Неясная полоса свѣта отъ свѣчки, которую онъ оставилъ въ спальнѣ, заставляетъ его напрягать зрѣніе, но вотъ онъ осмотрѣлся и различаетъ всѣ подробности обстановки. Тутъ царитъ безпорядокъ, мебель сдвинута, нѣкоторые стулья опрокинуты... Кто-нибудь защищался, боролся... произошла драма.

Посреди комнаты стоятъ диванъ и высокой спинкой заслоняетъ отъ Ришардъ каминъ. Въ одномъ углу столікъ, два прибора, бутылка вина, закуски...

Все это нетронуто.

Гробовое молчаніе. Даже верхняя занавѣска уюмонилась, вѣтеръ стлхъ, снѣгъ падаетъ хлопьями на дворъ.

Охотникъ страхиваетъ съ себя непонятное одѣленіе и съ напускной бодростью дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ. Нога его зацѣпляется за что-то: револьверъ! Такъ и есть!

Но вотъ онъ дошелъ до спинки дивана, взглянулъ черезъ него и ахнулъ отъ ужаса. На полу сидитъ женщина и головой прислонилась къ дивану. Согнутая рука ея закрываетъ лицо, другая рука уперлась въ коверъ...

Спать? Или мертвая?..

Съ недоумѣніемъ Ришардъ тихонько спрашиваетъ: